

знательного и собственно психологической закономерности) // Вопросы психологии. 1979. № 5. С. 82–96.

Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М., 1996.

Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.

Кочорадзе Б. Систематологический анализ теории Д. Узнадзе по метаизмерению. Дис. ... канд. психол. наук. Тбилиси, 1993 (На груз. яз.).

Леонтьев А. Н. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии // Вопросы психологии. 1955. № 6.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Надирашвили Ш. А. Установка и деятельность. Тбилиси, 1987.

Олпорт Г. Горечь и сладость плодов эклектизма // Личность в психологии. М., 1998.

Прангшвили А. С. Об одной системе идеализма в психологии: («Биосферная психология» Д. Узнадзе) // Коммунистическое воспитание. 1932. № 5–9 (На груз. яз.).

Прангшвили А. С. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии // Вопросы психологии. 1955, № 6, с. 99–108.

Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.

Рубинштейн С. Л. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии. Вопросы психологии. 1955. № 6.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.

Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.

Узнадзе Д. Н. Основы экспериментальной психологии // Труды. Т. 2. Тбилиси, 1960.

Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы теории установки. Тбилиси, 1961.

Узнадзе Д. Н. Индивидуальность и ее генезис // Узнадзе Д. Философские труды. Тбилиси, 1984 (На груз. яз.).

Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки // Антология гуманной педагогики: Узнадзе. М., 2000.

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ (УКРАИНСКАЯ ШКОЛА)

В. А. Татенко

Сергей Леонидович Рубинштейн 120 лет тому назад начинал свой жизненный и позже – профессиональный путь на Украине. Для нас, украинских психологов, этот факт небезразличен, и отнюдь не по каким-то националистическим мотивам, а по соображениям пользы, которую могут обрести братские народы в результате свободного обмена интеллектуальными, культурными и человеческими ресурсами. Так уж сложилась история отечественной научно-психологической мысли, что никакие политические разногласия и экономические неурядицы не могут воспрепятствовать дальнейшему развитию по-своему уникального пространства теории и методологии психологической науки, созданного совместными творческими усилиями С. Л. Рубинштейна, Г. С. Костюка, Л. С. Выготского и Д. Н. Узнадзе, а также многих других лидеров нашей совсем еще недавно общей психологической школы.

Из истории вопроса о человеке как субъекте

Особое место в творчестве С. Л. Рубинштейна занимает разработка философско-психологической теории человека как субъекта жизнедеятельности. Знаменателен сам переход, восхождение от понимания психического как субъективного к его субъектному определению: «Именно субъектность, а не субъективность, по мнению Рубинштейна, должна вскрыть специфику гуманитарной методологии, имеющей дело со своим типом детерминации, связанным с ценностью этих знаний», – отмечает К. А. Абульханова (Абульханова-Славская, 1977, с. 13). Субъекту в онтологической структуре бытия были отведены место и роль «центра его перестройки»: «Субъект своим познанием и действием конституирует бытие» (там же, с. 15). Тем самым понимание причинности мира сближается с пониманием причинности как активности субъекта.

Начало субъектным изысканиям С. Л. Рубинштейна, как принято считать, положила опубликованная им в 1922 году работа под назва-

нием «Принцип творческой самостоятельности», без которой, по мнению В. Т. Кудрявцева, трудно вообще уяснить суть «деятельностного подхода к человеку», а по нашему мнению – и суть субъектного подхода в отечественной психологии. В том же году, как известно, умер Н. Н. Ланге, после которого С. Л. Рубинштейн возглавил кафедру философии и психологии в Одесском университете. Если, таким образом, условно разделять отечественную психологию на российскую и украинскую, то начало разработке субъектного подхода было положено С. Л. Рубинштейном именно в украинский период его научного творчества. Как к этому психо-хроно-географическому факту следует относиться российским и украинским ученым? Вероятно, россияне должны, как и прежде, уважать Украину, которая время от времени рождала и давала России уникальных философов и психологов. Украинцы, в свою очередь, должны доказать своим «творческим самостоятельным» трудом, что они достойны подобного мнения о себе и готовы сделать российским коллегам такие предложения, которые станут продолжением плодотворного совместного творчества.

Кстати, если говорить об украинских корнях субъектного подхода, то С. Л. Рубинштейн, конечно же, был знаком с трудами Г. И. Челпанова, занимавшего до 1907 года должность профессора Киевского университета св. Владимира, который неоднократно обращался к категории субъекта для объяснения различных феноменов внутреннего мира человека. Однако в те времена ссылка на Г. И. Челпанова, подозреваемого в потворничестве идеализму, могла привести к быстрому завершению научной карьеры и не только.

Не мог не знать С. Л. Рубинштейн также докторскую монографию В. В. Зеньковского «Проблема психической причинности», изданную в Киеве, в университете св. Владимира, в 1914 году, на которую, по понятным причинам, он также не мог ссылаться (В. В. Зеньковский – философ, богослов и педагог, родившийся в 1881 году в Проскурове (ныне г. Хмельницкий) Подольской губернии на Украине и почивший в 1962 году в Париже, – был протопресвитером в юрисдикции Константинопольского патриархата). Приведем только один фрагмент из этой книги, свидетельствующий о том, что «субъектная» мысль в Украине пробивала себе дорогу давно и разными путями: «Работа души многообразна, и единство субъекта, от которого исходит она, не означает, конечно, что в душе имеет место одна какая-нибудь работа... Если душа есть организм, то подобно ему душа сочетает многообразие функций с единством их в субъекте жизненного процесса... Одно мы можем утверждать, – что психическая работа осуществляется в актах, исходящих от единого субъекта» (Зеньковский, 1914, с. 416–417).

Научная мудрость С. Л. Рубинштейна и проявилась в умении удержаться от крайностей и синтезировать самое существенное знание о сущности человеческого существа, а затем снять его в онтологическом определении психики, способной на высших уровнях своего

развития достигать качества субъекта жизнедеятельности, свободно и сознательно творящего мир и себя в этом мире, принадлежащего миру и противостоящего ему своей интенцией и потенцией к самопревосхождению, способностью начинать причинный ряд с себя самого, переживать свое индивидуальное бытие и лично отвечать за содеянное.

Ученики и последователи С. Л. Рубинштейна в России продолжили активно развивать его учение о субъекте. Огромную заслугу К. А. Абульхановой украинские психологи видят в том, что разработкой учения о человеке как субъекте психической деятельности она, по сути, завершила начатую ее учителем теоретико-методологическую работу по онтологизации субъекта в психологии. Ученик и последователь С. Л. Рубинштейна А. В. Брушлинский предложил целый ряд оригинальных доопределений понятия субъекта применительно к современной психологии, обосновывал возможности и перспективы субъектно-деятельностной парадигмы для развития различных ее направлений. На протяжении последних десятилетий в России появилась целая плеяда исследователей, совершивших успешные попытки в направлении переосмысления и развития теоретико-методологических основ субъектного подхода, а также эмпирического исследования феноменов, обнаруживающих субъектную природу (Б. Г. Ананьев, К. В. Бардин, А. Л. Журавлев, Е. И. Исаев, В. Т. Кудрявцев, В. Е. Лепский, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, И. Г. Скотникова, А. Н. Славская, В. И. Слободчиков, Е. Б. Старовойтенко, А. Ш. Тхостов и многие другие).

В украинской психологии также было сделано немало конструктивных и продуктивных попыток осмысления и переосмысления возможностей использования субъектного подхода в психологической науке и практике, о чем убедительно свидетельствуют успешно защищенные в течение последних десятилетий и представленные в монографиях докторские диссертационные исследования (М. И. Боришевский, В. А. Васютинский, З. С. Карпенко, И. П. Маноха, В. А. Татенко, А. Н. Ткаченко, Т. М. Титаренко и др.), а также получившие признание не только в Украине, но и за ее пределами фундаментальные научно-психологические разработки в области психологии развития личности (С. Д. Максименко), психологии воспитания (И. Д. Бех), политической психологии (Н. Н. Слюсаревский) и др. В Украине сегодня регулярно проводятся научно-теоретические семинары, международные конференции, на которых обсуждаются не только теоретико-методологические проблемы, но и вопросы о новых возможностях применения субъектной парадигмы в прикладных научно-психологических исследованиях, при разработке психодиагностических, психокоррекционных, психотерапевтических, консультативных, профилактических и тренинговых программ. За последние годы существенно возросло количество исследований (соответственно и публикаций), в которых субъектный подход, во-первых, выступает теоретико-методологи-

ческой основой, а во-вторых – обретает предметную конкретизацию и дальнейшее развитие.

Вместе с тем, ряд актуальных проблем, связанных, например, с переосмыслением предмета психологии с позиций субъектного подхода, с исследованием особенностей развития человека как субъекта психической жизни в онтогенезе и др., требуют сегодня специального внимания исследователей, объединенных усилий со стороны российских, украинских и всех тех психологов, кому небезразлична судьба нашей науки.

Субъект психической активности в онтогенезе

Проблема воспроизводства, становления, совершенствования, развития человека как субъекта своей жизни в российской и украинской психологии всегда признавалась важным, но не всегда первым по значимости пунктом в перечне исследовательских задач. Субъектогенез часто ставился в одностороннюю причинную зависимость от внешних факторов, трактовался преимущественно с позиций интериоризации и социализации. При этом мир внутренних интенций и возможностей субъектного развития оказывался, скорее, условием, фактором, средством, инструментом, необходимым для целенаправленного формирования человека определенного типа, например, того же строителя коммунизма.

Украинская психология советского периода традиционно отдавала предпочтение исследованиям психологических проблем обучения, воспитания, формирования личности, а также проблем развития психики. Широко известен не только в Украине, но и в России своими фундаментальными исследованиями проблем онтогенетического развития психики Г. С. Костюк, который с большим вниманием и уважением относился к научным изысканиям С. Л. Рубинштейна и его научной школы, также как С. Л. Рубинштейн внимательно и с большим интересом следил за его исследованиями и высоко оценивал их.

Познание процесса психического развития и его закономерностей, отмечал Костюк, возможно лишь на основе раскрытия внутренне присущих ему противоречивых тенденций. Только реализуя это условие, можно понять психическое развитие личности не как какой-то инертный процесс, толкаемый внешней, чужой для него силой, а как «самодвижение», «спонтанное, внутренне-необходимое движение» и построить подлинно научную теорию этого развития (Костюк, 1988, с. 146–147). Г. С. Костюк решительно выступал в защиту представлений о внутренних источниках и движущих силах развития психики, под которыми подразумевал внутреннюю необходимость, внутреннюю логику, внутренние возможности самоосуществления человека. При этом «спонтанность» в его теории не имеет ничего общего с проявлением каких-то внечеловеческих, иррациональных, мистических сил и не тождественна представлениям о стихийном или случайном.

Основными критериями «спонтанности» психического развития являются «свобода» и «творчество» в выражении и утверждении человеком своей сущности.

Таким образом, если обратиться к предыстории проводимых в Украине исследований по проблеме развития человека как субъекта психической активности в онтогенезе, то на выбор этого тематического направления не мог не повлиять дух научной школы психологии развития Г. С. Костюка.

Вместе с тем в украинской психологии, также как и в российской, на сегодняшний день существуют различные, порой даже противоположные представления о том, является ли человеческое существо субъектом жизни с момента ее зарождения или это сущностное свойство возникает на каком-то из последующих этапов онтогенеза. Не меньше споров ведется по поводу того, как сам индивид участвует в процессе своего субъектогенеза.

Из рубинштейновского определения субъекта как бы напрашивается вывод о том, что субъектное причинно связано с сознательным. Вполне возможно, что, именно опираясь на такой подход, Г. С. Костюк относил начало формирования субъектности к подростковому возрасту, делая акцент на способности подростка осознавать события своей жизни и себя как ее субъекта. «На этом этапе, – писал он, – личность выступает как субъект собственного развития, сознательно выбирающий свой дальнейший жизненный путь... Она начинает все более сознательно работать над собой, создавать себя результатами собственной деятельности» (там же, с. 116–117).

Действительно, чем лучше человек осознает происходящее вокруг, чем лучше узнает и понимает самого себя, тем меньше он зависит от обстоятельств, от воли случая, тем он более свободен в своих мыслях и чувствах, выборах и решениях, действиях и поступках. Не только как сознательно действующий субъект, но и как сознающий себя субъектом, он становится аутентичным своей человеческой природе.

Однако насколько верным является предположение о том, что С. Л. Рубинштейн, говоря о человеке как о субъекте, мыслил его исключительно сознательным существом? «Субъект, – отмечал он, – в специфическом смысле слова (как „я“), – это субъект сознательной „произвольной“ деятельности. Ядро его составляют осознанные побуждения – мотивы сознательных действий» (Рубинштейн, 1959, с. 123). Как можно убедиться, здесь речь идет о сознательном субъекте в «специфическом» смысле этого слова и о сознательной деятельности как его «ядре». Следовательно, С. Л. Рубинштейн мог подразумевать также менее специфическое, более широкое и не только «ядерное» определение субъекта, соотносимое с психической активностью, психической жизнью вообще, как контролируемой, так и не контролируемой сознанием и волей.

Возможно, о генезисе субъектности отечественные и зарубежные психологи задумывались и раньше. Однако есть основания полагать, что основательным толчком этому направлению исследований послужили сформулированные К. А. Абульхановой положения о том, что люди могут существенно различаться в своих субъектных интенциях и потенциях (Абульханова, 1989).

Пытаясь выяснить природу индивидуальной субъектности, раскрыть закономерности ее становления и развития в онтогенезе, одни исследователи (о чем уже упоминалось) мыслили ее исключительно как сознательную форму активности. Другие – связывали ее генезис с первыми проявлениями психической жизни еще в пренатальном периоде (Е. А. Сергиенко, Г. Г. Филлипова) или с развитием какой-либо из высших психических функций, например, воли. Так, полагая, что начала волевой регуляции наблюдаются уже у новорожденного, Т. И. Шульга называет первую стадию этой регуляции субъектной: «<...> Первую стадию становления волевой регуляции можно считать субъектной, праличной произвольной регуляцией, в рамках которой происходит зарождение тенденций волевой регуляции» (Шульга, 1994, с. 108). Потом, правда, оказывается, что субъектная стадия ограничивается лишь ранним и дошкольным детством. Дошкольный возраст никак не связывается с субъектностью, в младшем школьном и в подростковом возрастах возникает уровень личностной произвольной саморегуляции, которая сменяет субъектный уровень, а в подростковом и старшем школьном возрастах речь идет о зрелой форме волевой регуляции (там же).

А. В. Брушлинский, как известно, считал, что человек как субъект развивается всю жизнь, с чем можно сразу соглашаться или о чем можно долго спорить, но прежде определившись в понятиях жизни и развития применительно к представлению о собственно субъектном способе бытия человека. В. В. Селиванов возрастную периодизацию субъектности начинает со стадии предсубъектности (0–1 год) и завершает стадией угасающей субъектности. И. Г. Скотникова не соглашается с тем, чтобы момент зарождения субъектности относить к первому-второму году жизни ребенка, а также с идеей неизбежной инволюции субъектности в пожилом возрасте (Скотникова, 2008, с. 50–53).

Рассматривая направленность субъектной активности индивида, С. Л. Рубинштейн основной исследовательский акцент делал на его отношении к объективному миру и к другому субъекту. При этом вопросам, касающимся отношения человека как субъекта к самому себе, к развитию собственной психики, своей субъектности, уделялось меньше внимания.

Эту проблему попытался сформулировать и специально исследовать украинский психолог М. И. Боришевский. В его трудах представлены оригинальные теоретические конструкции и интересные эмпирические данные, раскрывающие «Я-самостную», субъектную природу

человеческой психики на разных этапах ее развития. В качестве важнейшего автор признает методологический «принцип субъекта деятельности», в перечень функций саморегуляции он включает «функцию самосубъектного воздействия», то есть «<...> воздействия индивида на собственные психические процессы и состояния с целью их оптимизации (регуляция уровня интеллектуальной активности, интенсивности эмоциональных реакций, способов и форм их выражения, уровня произвольности психических процессов и состояний и пр.)», а также «функцию самосозидания» (Боришевский, 1992, с. 21–22). Субъектная ориентация находит здесь свое выражение в исследовании способности ребенка к планированию и прогнозированию, коррекции своего поведения, а также в создании различного рода средств речевого самовоздействия (самозапреты, самоодобрения, формулы самовнушения и т. п.). Анализируя условия развития у ребенка способности к преодолению импульсивности и зависимости от ситуации, М. И. Боришевский подчеркивает важность момента установления связи между ожидаемым результатом своей активности и «образом Я». «Нам представляется, – отмечает он, – что „образу Я“ принадлежит здесь главная роль, поскольку для ребенка важен, субъективно значим не сам по себе будущий результат как таковой, а сам он – ребенок – как субъект, как автор, соиздатель, творец этого результата. С психологической точки зрения для индивида главное состоит в том, в какой мере в данном результате определена его личностная сущность, свидетельствующая о степени самореализации и самоутверждения» (там же, с. 30).

Как отнестись к столь различному пониманию процесса развития субъектности в онтогенезе? Прежде всего, конечно, следует высказать удовлетворение по поводу того, что такая исследовательская работа настойчиво и вдохновенно ведется российскими, украинскими и зарубежными психологами. Но вслед за тем имеет смысл развести представление о субъектности как сущностной характеристике человека и о субъектности как возникающем, достигающем стадии акме и затем угасающем психологическом свойстве человека, придающем ему конкретную сущностную определенность, соотносимом с категориями «индивид», «личность», «индивидуальность», имеющем свои индивидуальные особенности у разных людей и т. д. При этом в первом случае отдельное человеческое существо изначально, а если говорить конкретно, то уже с момента его оформления в виде зиготы запотенцировано человеческой субъектностью, определенным способом бытия, свойственным только человеку. В этом смысле и младенец, мирно спящий на руках матери, и беспомощный старик, прикованный к постели, и даже душевнобольной несут на себе печать родового сущностного признака – явной или неявной, актуальной или потенциальной, еще только зарождающейся или уже угасшей способности начинать причинный ряд с самого себя, сознательно и свободно творить мир и себя в этом мире, а также брать на себя ответственность за совершен-

ное и просто сделанное. Здесь кстати вспомнить выражение М. М. Бахтина о свойственной исключительно человеку позиции «не-алиби-в-бытии».

Сущностный подход внутренне связан с подходом феноменологическим в том смысле, что субъектная сущность может по-разному воплощаться и выражаться у разных людей, а также у одного и того же индивида на разных стадиях онтогенеза, в разных жизненных ситуациях, в разных состояниях. Потому неосознанность индивидуального развития не означает его биологической и психологической анонимности, «ничейности», безликости и, собственно, бессубъектности. Индивид на всех этапах онтогенеза есть существо, заинтересованное и непосредственно участвующее в собственном развитии и совершенствовании. Иное дело, что эта специфически человеческая субъектная активность по-разному проявляется на этапах плода, новорожденного, младенца, дошкольника, школьника, подростка, юноши, зрелой личности и личности на стадии естественного завершения жизненного цикла. «Из того, что ребенок не имеет знания о собственном „Я“ и неспособен к различению „Я“ от „не-Я“, – отмечал А. Пфендер, – отнюдь не следует еще, что в психической действительности ребенка не существует будто бы с самого начала психического субъекта или „Я“. „Я“ развивается, конечно, и в течение жизни, но оно имеется уже с самого начала вместе с психической действительностью. „Я“ не возникает впервые благодаря различению от „не-Я“, а образует, напротив, необходимую предпосылку всякого процесса различения» (Пфендер, 1909, с. 340).

Проведенное нами в этом направлении исследование (Татенко, 1995, 1996) позволяет сделать вывод о том, что онтогенетические превращения субъектности имеют «этапный» характер и могут быть адекватно интерпретированы на основе системного принципа единства структуры, функций и развития. Последовательность этапов становления субъекта психической активности рассматривается как изначально заданная имманентной логикой «пробуждения» субстанциальных интуиций субъектного ядра, логикой включения в развитие субъектных механизмов психической активности и соответствующих им ведущих, доминирующих психических функций как новообразований онтогенеза. При переходе от «детской» к «взрослой» субъектности в возрасте совершеннолетия происходит трансформация логики ее становления в логику развития индивида как субъекта сознательной психической деятельности. Совершеннолетний, последовательно совершая в ходе последующего взросления поступки самополагания, самопотенцирования, самоопределения, самоактуализации, самооценивания, самоапперцепции и самовопрошания, достигает уровня зрелого субъекта психической деятельности, сознательно, целенаправленно, творчески утверждая себя в этом качестве. Инволюция субъектности на завершающем этапе онтогенеза происходит в соответствии с логикой, обратной процессу ее становления.

У представителей социально ориентированного подхода в психологии здесь могут возникать вопросы по поводу того, как в данном случае учитываются формирующие, обучающие, воспитывающие, социализирующие и развивающие влияния социокультурной среды. Отвечая на этот вопрос, достаточно выразить полное согласие с тезисом о существенном влиянии социальной среды на формирование всех известных составляющих системы «человек». Но при этом следует уточнить, что речь идет пусть о неспоставимо малом, но собственном, индивидуализированном участии человека в актуализации и развитии изначально запотенцированных в нем его сущностных, человеческих сил. Речь идет именно о диалектике паритетного субъект-субъектного взаимодействия, сотрудничества, а в чем-то и противодействия индивидуального и социального в становлении человека субъектом его собственной жизни. Какими бы благоприятными в этом смысле ни были социальные условия, какими бы совершенными ни были психолого-педагогические технологии, вся система социализации оказалась бы не у дел, не будь объект приложения ее сил изначально задан как существо человеческое и никакое иное, с присущей только ему интенцией и потенцией к субъектногенезу и собственно субъектной активности.

Субъектно-поступковый подход в психологии

Чтобы представить следующего видного украинского психолога, труды которого созвучны идеям С. Л. Рубинштейна, обратимся к вопросу о том, что, по сути, отличает зрелого, развитого субъекта психической жизни от незрелого, несовершенного и неразвитого. По этому поводу как в российской, так и в украинской психологии можно обнаружить целый ряд обстоятельных теоретических и методологических разработок, предлагающих перечень критериев, которые позволяют отделить субъектное от объектного, а также представить его с точки зрения вышеотмеченных оппозиций. Если при этом от внимательного прочтения С. Л. Рубинштейна перейти к текстам М. М. Бахтина (который, кстати, с 1911 года некоторое время также проживал в Одессе), а затем познакомиться с трудами украинского философа и психолога В. А. Роменца, то в конечном итоге можно прийти к выводу о том, что субъектная активность человека и ее высшие уровни проявления наиболее адекватно могут быть репрезентированы категорией «поступок».

Кратко суть философско-психологического учения В. А. Роменца о поступке можно представить следующими положениями:

- поступок является «живым средоточием» всех существенных сторон психического в его высших определениях, это истинное, настоящее творчество новых форм и качеств психического, основное звено, ячейка любой формы человеческой деятельности;

- поступок в его полноценном выражении всегда будет одновременно и акцией духовного развития индивида, и созиданием нравственных ценностей;
- раскрыть механизм поступка – то же самое, что раскрыть творческий механизм психического развития;
- в поступке сущность человека проявляется на высшем уровне возможного: наиболее ясно, наиболее ярко, наиболее полно, целостно, индивидуально-неповторимо, предельно заинтересованно и самозабвенно (Роменец, 1995).

Об огромном онто-психологическом потенциале, сокрытом в этой категории, свидетельствует многотомная История психологии, выстроенная В. А. Роменцом на идее поступка и на представлении об его универсальной общечеловеческой структуре, включающей Ситуацию, Мотивацию, Действие и Последействие (там же).

В. А. Роменец специально не исследовал проблему субъектности. Тем не менее, глубокое понимание природы психики, психологической природы поступка и человека как субъекта поступка позволили ему сформулировать фундаментальное положение о связи субъектного и поступкового в человеке. «В совокупности своих определений, – писал он, – поступок является логической ячейкой субъекта психической активности» (Роменец, 1993). Развивая эту мысль, можно высказать следующее суждение: если категория «субъект», доопределенная такими понятиями как «носитель», «творец», «деятель», «созидатель», «автор», «инициатор» и т. п., призвана означить сущностную специфику и качественное своеобразие человеческого способа бытия, то категория «поступок» концентрирует в себе философско-психологическое представление о том высшем сущностном уровне, на который в принципе может подняться человек как субъект индивидуальной и социальной жизни в их единстве. Потому, говоря о поступке, следует сразу отмежеваться от определений, в которых он отождествляется либо с поведением, либо с деятельностью в традиционном функциональном их понимании. Его дискурсивное пространство составляют отношения, ценности, значения и смыслы. Поступок – это всегда свободный личный выбор и свободное индивидуальное творчество. Поступок не может быть дурным или позорным. Он предельно этичен, эстетичен и героичен. Содержательным синонимом и высшим выражением поступка выступает подвиг. Противоположность поступка составляют проступок и преступление. Позитивная просоциальность поступка нередко бывает условна в том смысле, что он может разрывать устоявшуюся стройность общественного бытия, вносить в него новые содержания и смыслы, отвечающие новым вызовам не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Его невозможно предвидеть или предвосхитить, а тем более спланировать. Он настолько же рационален, насколько иррационален, ибо результат его нередко гипотетичен, а аргументом служит личный пример поступающего, которого слава часто находит

лишь после его бесславной кончины. Поступок индивидуально неповторим, единственен и потому в принципе не тиражируем. Некорректно в этом смысле сравнивать подвиги Н. Гастелло и А. Матросова, а их, в свою очередь, – с подвигом супругов Кюри. Повторение поступка может осуществляться только во внешнем плане. Без адекватного сопровождения внутренней мелодией собственных мыслей, подлинных чувств, личных ответственных решений и действий это порождает культуру манипулятивного поступкообразного поведения, что нередко обнаруживает себя в предвыборных самопрезентациях кандидатов, а также в отчетах власти о проделанной работе.

Невозможно ни заставить, ни уговорить человека совершить поступок. Истинное представление о смысле и ценности совершенного поступка может учитывать мнение его автора, но в качестве необходимого и достаточного предполагает оценку со стороны других лиц, интересы которых оказываются затронутыми. Жизнь, наполненная поступками, «жизнь как поступок» (М. М. Бахтин) свидетельствует об ее аутентичности.

На основании представлений о субъектности как сущностной характеристике человека и поступке как сущностной характеристике субъектности в последние годы в украинской психологии была принята попытка разработки так называемого субъектно-поступкового подхода (Татенко, 2006), который предоставляет уникальные возможности для интеграции в одно целое структурно-функционального, регулятивного, генетического, с одной стороны, и сущностного, содержательного, ценностно-смыслового – с другой представлений о психической реальности и соответствующих направлений ее исследования. Он возвращает деятельности – деятеля, творению – творца, а последнему – его моральное лицо. Если категория субъекта подчеркивает естественное для человеческой природы стремление к свободе и независимости, автономности и суверенности, самодетерминации и самоактуализации, то поступок выводит субъектную активность на уровень душевно-духовных, социокультурных, этических и эстетических содержаний, ценностей и смыслов.

В методологическом плане субъектно-поступковая парадигма дает возможность интегрировать традиционно конкурирующие между собой субъектно и объектно ориентированные подходы, осуществить принципиальный переход от исследования психического как данности к исследованию возможностей его проектирования и креативного экспериментирования в направлении создания качественно новых, до сих пор не известных форм и уровней психической жизни, что соответствует как научно-психологическому, так и мифологическому, богословскому, философскому представлениям о «самопревосхождении» (П. Тиллих) как вершинной смысло-жизненной потребности человека.

Подлинная субъектная свобода свидетельствует о том, что индивид достиг уровня аутентичности своей человеческой природе, что он

гармоничен в отношениях с собой, с миром и другими людьми, что ему удается строить свою жизнь по собственному сценарию.

Когда различные моменты развития жизненных отношений человека взаимосвязаны друг с другом, отмечает Е. Б. Старовойтенко, «<...> происходит непрерывное наращивание потенциала внутреннего самодвижения, „спонтанности“ отношений, а, следовательно, и их возможностей в определении свободной, самостоятельной творческой позиции человека в мире. Здесь действует один из объективных законов развития духовно-практической активности индивида – закон личностной (субъектной) детерминации активности» (Старовойтенко, 1992, с. 60–61). Этот закон находит свое выражение прежде всего в «способе разрешения противоречий», из которых самым приемлемым для человека как субъекта является поступок. «Фактор совершенного поступка и осознания его последствий имеет в развитии, изменении „Я“ особое значение <...>. Совершая разрешающие поступки, личность сама наполняет смыслом свои деяния, сводит „тексты“ и „подтексты“ поведения, приходит к самоанализу, самоисследованию... По мере утверждения проблемно-преобразующей позиции „я“ во всех своих жизненных отношениях она приобретает качество самотворца. Это качество, в свою очередь, определяет высшие уровни развития ее жизненных отношений» (там же, с. 68–69).

Предмет психологии в субъектно-поступковом измерении

Чтобы оценить истинную значимость того или иного подхода для психологии, следует ответить на вопрос о том, как он соотносится с представлением о предмете данной науки. Осуществленный в этом направлении научный поиск (Татенко, 2006) позволяет утверждать, что именно понятия «субъект» и «поступок» в их онто-психологическом единстве конституируют предметное поле психологической науки. «До недавнего времени, – замечает К. А. Абульханова, – определение специфики ряда наук, формулирование их предметов носило принципиально бессубъектный характер: в них исследовалось психическое, этическое, социальное и т. д. Совсем недавно в этих науках начали складываться понятия субъектов: субъекта социального действия, субъекта морально-этических отношений, субъекта психической деятельности» (Абульханова-Славская, 1977, с. 91). Эта мысль находила и находит поддержку у целого ряда других исследователей. По замечанию Д. Н. Узнадзе, в активные отношения с действительностью вступает непосредственно сам субъект, а не отдельные акты его психической деятельности. Поэтому психология должна изучать в первую очередь субъекта (Узнадзе, 1961). По мнению В. С. Библера, речь должна идти не о психологии деятельности, а о «психологии субъекта психической деятельности», поскольку предметом психологии является не деятельность, а ее принципиальная возможность, понятая как субъект деятельности (Библер, 1981, с. 23).

Когда индивид консолидируется как субъект, он усиливает мощь своего действия, обстоятельства подчиняются ему, а достоинство воли другим путем не приходит, читаем у В. А. Роменца. Человек «<...> сам себя создает, преодолевая биологический и социальный фатум. Он выражает себя в индивидуальном и историческом становлении, в жизненном и творческом пути как субъект индивидуального и исторического развития. Это и является главным предметом исследования в современной психологии» (Роменец, 1995, с. 35–36). «Введением понятия субъекта психической деятельности, – утверждает К. А. Абульханова, – было осуществлено приземление предмета психологии – психики, которая до того понималась бессубъектно, гносеологически, к реальной онтологической основе – индивиду, личности, разрешающей противоречия жизнедеятельности» (Абульханова-Славская, 1994, с. 4). Не случайно А. В. Брушлинский предложил избрать категорию субъекта как основу интеграции, сближения разных направлений и школ психологии.

Перечень суждений и утверждений относительно возможности и необходимости субъектно ориентированного определения предмета психологии логично подытожить словами Г. Гегеля: «Себя в себе определяющий дух как субъект для себя – предмет психологии» (Гегель, 1974, с. 38).

Обращение к феномену поступка (в понимании М. М. Бахтина и В. А. Роменца) придает предмету психологической науки гуманистическую, нравственную, ценностно-смысловую направленность, делает ее ответственной за последствия своих познавательных преобразовательных действий. Тем самым преодолевается ценностно-нейтральное отношение психологической науки к процессу и результатам психологического познания.

Субъектное «приземление» и поступковое «возвышение» предмета психологии, его сущностно-смысловая конкретизация позволяют представить ситуацию в целом следующим образом. Если объектом психологической науки как субъекта познания полагается психическая жизнь во всех ее инструментально-функциональных и душевно-духовных проявлениях, то при определении предмета психологической науки следует двигаться не столько «вширь», рискуя в конечном итоге отождествить этот предмет с понятием объекта, сколько в сущностные глубины, чтобы обнаружить там новые возможности психического и новые аргументы в пользу его качественного своеобразия и природной принадлежности миру. Предмет психологии формируется путем конкретизации представления о высшей сущностной характеристике психического – присущей человеку реальной возможности дорастать в своем развитии до уровня «психического субъекта» (А. Пфендер), до уровня субъекта психической, душевно-духовной, высоконравственной, поступковой активности, способного не только отражать, не только регулировать, ориентировать и управлять, но создавать мир сущего и себя в этом мире.

Дальнейшая сущностная конкретизация предмета психологической науки на основе субъектно-поступкового подхода предусматривает уточнение, коррекцию и, возможно, даже пересмотр того, как формулируют свой предмет различные области психологического знания. Так, например, педагогическая психология должна мыслиться как наука об определении и создании оптимальных учебно-воспитательных условий и возможностей, необходимых и достаточных для развития и реализации интенций и потенций конкретного ребенка как субъекта психической жизни, способного к поступку. Предмет социальной психологии должен ориентировать ее на исследование закономерностей и механизмов, а также условий, которые обеспечивают возможность самоактуализации, самоутверждения и саморазвития человека как общественного существа, способного к нравственному творчеству и совместному поступку. Предметное ядро истории психологии можно определить как процесс исторического восхождения человека к пониманию и проявлению своей субъектно-поступковой природы. У. Дильтей настаивал на том, что в самом человеке следует искать то единство, с помощью которого мы измеряем «ход духовного движения», и что «естественная единица наглядного измерения истории духовных движений дана самим течением человеческой жизни» (Дильтей, 1995).

Подобного рода доопределения можно сделать также относительно предметов других областей научного «производства» психологического знания. Однако существует еще одна важная проблема, без решения которой представление о предмете психологии остается неполным, односторонним, а следовательно, не удовлетворяющим современные научные взгляды на природу психического.

Определение предмета психологии с позиций субъектно-поступкового подхода требует ответа на вопрос о том, как быть в данном случае с внечеловеческими формами психической жизни. Ведь никакой носитель психического, кроме человека, не способен достичь в своем развитии уровня сознательной субъектно-поступковой активности. Тем не менее, следует заметить, что человеческая субъектность и способность к поступку появились не на пустом месте, а прошли в своем развитии долгий и далеко не простой исторический путь. Начальные, более простые их формы широко представлены в природном мире, например, в стремлении даже самого примитивного живого существа самостоятельно регулировать свою активность, отстаивать свою автономность, свое «место под солнцем», свое право на жизнь, в готовности к самопожертвованию и т. п.

Психика в своем филогенетическом и историческом развитии стремится достичь уровня субъекта психической активности, способного на свободно-сознательно-творчески-нравственный акт – поступок. Каждый из дочеловеческих носителей психического репрезентирует определенный филогенетический уровень развития этих

предельных форм существования психического. Да и процесс развития психики конкретного живого человеческого существа разворачивается в направлении от объектности и реактивности к вершинам субъектности и поступковости. Это и дает основание распространить субъектно-поступковое определение предмета психологии на психическую реальность в целом, а не только на ее высшие, человеческие, формы.

Таким образом, определение предмета психологии с позиций субъектно-поступкового подхода не сводится к указанию на те или иные феномены, которые наиболее выразительно представляют сущность и качественное своеобразие психического (сознание, бессознательное, поведение, деятельность, личность, индивидуальность, субъект, поступок, дух, душа). Предмет психологии призван выполнять роль сущностно-смыслового ориентира для психологической науки на пути исследования существующих, а также создания новых форм и способов психической жизни. Современная психология как субъект познания, постигая пространства и времена психической реальности как своего объекта, может рассчитывать на новые фундаментальные открытия при условии, что основным предметным ориентиром избрет для себя научное представление о самом высоком из известных ныне – субъектно-поступковом уровне бытия психического, который оно может достигать в своем развитии и на который может выходить в своем функционировании.

Задача определения «предмета» психологии, как отмечал Ф. В. Бассин, – это не псевдопроблема. Когда наука проходит через определенные «кризисы» своего роста, изменение «предмета» науки может быть неожиданным и радикальным (Бассин, 1971, с. 102). Субъектно-поступковый вариант определения предмета психологии вполне отвечает «духу времени», требованиям нынешнего этапа ее развития, а также может претендовать на метаисторический статус, поскольку «субъект», как это показала в своих работах научная школа С. Л. Рубинштейна, и «поступок», глубоко и всесторонне изученный научной школой В. А. Роменца, – суть метаисторические, вневременные, «осевые» категории, обнаруживающие и раскрывающие предельные возможности психики (мира психики в целом и психики человека – в частности), основную траекторию и перспективу ее развития.

С. Л. Рубинштейн начинал свой путь философа, психолога, педагога, исследователя и организатора науки в Украине, а затем до последних дней жил и работал в России. Но на украинскую землю всегда возвращались его уникальные книги, по которым многие поколения психологов постигали премудрости «науки о душе». Сегодня этот пример должен напоминать нам о нашем культурно-историческом и психологическом родстве, помогать выстоять перед лицом проблем, вызванных как объективными факторами типа всеобщего кризиса, так и периодически заостряющейся напряженностью в сфере политики.

Наше дело – поддерживать, укреплять и всячески развивать отношения в сфере психологии.

В этой связи можно с удовлетворением отметить, что сотрудничество между теми, кто в России и в Украине не забывает С. Л. Рубинштейна, не прерывается, крепнет и сегодня приносит свои плоды. Только за последние несколько лет увидели свет две фундаментальные работы. Первая из них – «Предмет и метод психологии: Антология» (2005) – собрание оригинальных текстов известных зарубежных психологов мирового уровня, а также ряда российских и украинских ученых – К. А. Абульхановой, А. Н. Леонтьева, А. В. Роменца, С. Л. Рубинштейна Е. Б. Старовойтенко, В. А. Татенко, В. Д. Шадрикова и др., в которых представлена попытка определения современной психологией своего предмета и метода, в частности, с позиций субъектного подхода. Значительный интерес у психологической общественности вызвал также российско-украинско-австрийский проект «Психология индивидуальности: Новые модели и концепции» (Психология индивидуальности..., 2009). Не стал исключением и этот «юбилейный» сборник, в котором Украина получила возможность высказать почтение своему земляку, выдающемуся ученому и замечательному человеку – С. Л. Рубинштейну, а также представить результаты исследований, развивающих идеи его научной школы. Хорошо, если такой опыт сотрудничества наших стран получит развитие и в других направлениях отечественной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская К. А. Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
- Абульханова-Славская К. А. Категория субъекта в современной психологии // Сучасна психологія в ціннісному вимірі: Матеріали Третіх Костюківських читань (20–22 грудня 1994 р.). У 2-х т. Т. 1. Київ, 1994. С. 4–10.
- Бассин Ф. В. О развитии взглядов на предмет психологии // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 101–113.
- Библер В. С. Понимание Л. С. Выготским внутренней речи и логика диалога (еще раз о предмете психологии) // Методологические проблемы психологии личности. М., 1981. С. 117–134.
- Боришевский М. И. Развитие саморегуляции поведения школьников // Дис. в форме науч. докл. ... д-ра психол. наук. К., 1992.
- Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974.
- Дильтей В. Литературные архивы и их значение для изучения истории философии // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 124–136.
- Зеньковский В. В. Проблема психической причинности. Киев: Ун-т св. Владимира, 1914.
- Костюк Г. С. Избранные психологические труды. М., 1988.
- Предмет и метод психологии: Антология / Под ред. Е. Б. Старовойтенко. М., 2005.
- Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / Ред. Е. Б. Старовойтенко и В. Д. Шадриков. М., 2009.

- Пфендер А. Введение в психологию. СПб., 1909.
- Роменец В. А. Суб'єкт психічної активності як предмет історичної психології // Психологія суб'єктної активності особистості. Київ, 1993.
- Роменец В. А. Історія психології ХІХ–початку ХХ століття: Навч. посібник. Київ, 1995.
- Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Скотникова И. Г. Проблемы субъектной психофизики. М., 2008.
- Старовойтенко Е. Б. Жизненные отношения личности. Киев, 1992.
- Татенко В. А. Психология в субъектном измерении: Монография. Киев, 1996.
- Татенко В. О. Суб'єктно-вчинкова парадигма в сучасній психології / Людина. Суб'єкт. Вчинок: Філософсько-психологічні студії / Ред. В. О. Татенка. Київ, 2006.
- Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
- Шульга Т. И. Проблемы волевой регуляции в онтогенезе // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 105–110.